

Белоруссия и белорусы в антипольской стратегии Германии (1915–1939 гг.)

Баринов Игорь Игоревич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: barinovnoble@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0154-1506

Цитирование

Баринов И. И. Белоруссия и белорусы в антипольской стратегии Германии (1915–1939 гг.) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 28–47. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.02

Статья поступила в редакцию 01.09.2021.

Аннотация

В статье рассматривается роль и место белорусов и населенных ими территорий в германской стратегии против Польши до 1939 г. «Польский вопрос» традиционно был одним из наиболее болезненных для германского государства начиная с разделов Речи Посполитой. Первая мировая война и оккупация Германией большей части этнографической Польши поставила его решение на повестку дня. Допуская существование польской государственности, немцы одновременно искали ей действительный противоядие. Особенно актуальным это стало после возрождения Польши в 1918 г. Вплоть до начала Второй мировой войны германская сторона внимательно следила за положением национальных меньшинств в Речи Посполитой. Вопреки устойчивому представлению, белорусское национальное движение получило от немцев положительную оценку и рассматривалось ими как один из способов расшатывания внутренней ситуации в польском государстве. Ситуация резко переменилась после поражения Польши в сентябре 1939 г. Переход белорусских земель под советский контроль и актуальные задачи по консолидации немецкого населения вывели белорусскую проблему за рамки рассмотрения. Несмотря на появление в рейхе сторонников германо-белорусского сближения, политики и военные так и не определили место белорусов в будущей германской стратегии.

Ключевые слова

Германия, Польша, белорусское меньшинство, белорусское национальное движение.

Интерес политических и интеллектуальных элит Германии к белорусским землям, возникший в годы Первой мировой войны и развивавшийся в межвоенный период, имел длительную и своеобразную предысторию. Стремление зафиксировать четкие границы рейха, чтобы преодолеть традиционный германский партикуляризм, опиралось на этнический (этнокультурный) принцип. В той или иной степени он работал на западных и северных рубежах страны. Во всех остальных случаях реализация данной задачи оставалась под вопросом. Наиболее проблемным здесь оставался Восток, где, по расхожей характеристике того времени, «сотни тысяч немецких соотечественников были обречены на гибель в славянском океане»¹. Польское большинство, достигшее в конце XIX — начале XX в. больших успехов во внутренней самоорганизации, стало живым выражением незавершенности германского государственного проекта².

Начало Первой мировой войны и оккупация русской части Польши в конце 1914 г. поставила перед германским руководством вопрос о вероятном воссоздании польского государства. Учитывая серьезные противоречия между немцами и поляками в восточных провинциях рейха, шаги в этом направлении воспринимались бы как минимум неоднозначно. В этом отношении возрождение Польши, по мнению немецких политиков, должно было состояться при таких условиях, которые бы раз и навсегда решили пресловутый «польский вопрос».

Стремясь решить эту непростую задачу, политики и военные в Берлине обратили свое внимание на территории, лежавшие восточнее традиционного ареала немецкой колонизации. Этому сопутствовало и дальнейшее продвижение германских войск вглубь России. К осени 1915 г. под контролем Германии оказались Литва и значительная часть Белоруссии, т. е. регионы, имевшие для поляков большое духовное значение и напоминавшие о былом могуществе Речи Посполитой. Именно тогда среди немецких специалистов начались активные дис-

1 *Hunkel E.* Deutschland und die Polenfrage im Weltkriege. Berlin, 1916. S. 6–7.

2 *Spät R.* Die “polnische Frage” in der öffentlichen Diskussion im Deutschen Reich, 1894–1918. Marburg, 2014. S. 34–44.

куссии о возможности использования данных территорий и их населения для противодействия польскому влиянию. Эти дискуссии продолжились даже после поражения Германии и появления на карте Европы независимого польского государства.

Следует отметить, что белорусский фактор антипольской политики Германии в указанное время долго оставался за рамками рассмотрения. В случае советских (российских) ученых это во многом связано со сложившейся «ментальной картой», где белорусы ассоциировались с другими, «внутренними» сюжетами. Для немецкой и шире — западной историографии данная проблематика представлялась периферийной и малозначимой. Вместе с тем белорусское направление германской стратегии прошло достаточно сложную динамику от политических заигрываний времен оккупации 1915–1918 гг. до одного из вероятных рычагов подрыва польского государства к концу 1930-х гг. Примечательно, что белорусский фактор (с теми или иными корректировками) присутствовал в германской стратегии вплоть до начала новой войны на Востоке в 1939 г.

Будущая Польша и вопрос «кресов» (1915–1918)

Решение «польского вопроса» в Германии предполагало, несмотря на все противоречия, теоретическую возможность реставрации Польши. Здесь сразу же возникла проблема определения ее будущих границ. Вызвавшая бурную реакцию у немецких политиков из самых разных идеологических лагерей, она оказалась двусоставной по своей сути. Так, после ответа на вопрос «быть или не быть польскому государству» следовало определиться, по какому принципу (этно-демографическому или территориально-географическому) оно должно будет развиваться.

В обоих случаях мнения разделились. По большей части дискуссии происходили между национально ориентированными германскими политиками. Среди них выделялись три основных лагеря: радикалы (выступали за организацию Польши как прямого германского протектората), консерваторы (считали, что воссоздать польское государство и контролировать его можно без коренного изменения статуса-кво) и аннексионисты (сторонники форсированной колонизации Востока). Как писал представитель национал-радикалов Эрнст Хункель, поляки всегда стремились к восстановлению государственности и никогда не отказались бы от тех частей старой Польши, которые достались Пруссии. В частности, польское государство было бы немислимо без таких знаковых мест (*geweihte Stätten*), как Гнезно и

Познань. С другой стороны, поляки также не откажутся от «исторически мотивированного» продвижения к устью Вислы и значимого с экономической точки зрения выхода к морю. Таким образом, как отмечал Хункель, под угрозой оказалась бы обширная область на восточном берегу Эльбы, из которой когда-то выросло бранденбургско-прусское государство. Утрата господствующего положения в этой «сердцевине», по словам автора, подрывала сам фундамент рейха³.

Предлагая пути выхода из ситуации, Хункель предлагал сохранить «конгрессовую Польшу» (так немцы называли польские земли, вошедшие в состав России после Венского конгресса 1815 г.) и создать с ней некую форму унии, при этом не включая ее в состав Германии. Таким образом, предполагалось создать нечто вроде нового Герцогства Варшавского, где герцогом становился германский кайзер. В случае если поляки сохранят дружественное отношение к немцам, им можно было дать самоуправление. При этом, однако, было необходимо ограничить иммиграцию и создать таможенную зону. В военном отношении новая Польша должна остаться под контролем Германии⁴.

С этой позицией в чем-то были солидарны и национал-консерваторы. Так, Отто Гёч, самый известный в ту пору немецкий специалист по Восточной Европе, соглашался, что Польша должна оставаться в зоне германского влияния даже в мирное время. При этом мотивация Гёча покоилась на иных принципах. По его представлению, немцы не были готовы к аннексии польских земель, тогда как Польша в виде «буферного» государства была бы экономически несостоятельна и зависима от кого-то из соседей. Решение этой проблемы Гёч видел в организации Польши как совместного владения Центральных держав⁵.

Идея польской самоорганизации активно критиковалась сторонниками форсированной колонизации восточных областей. Как указывал Йозеф Нойман, будущую Польшу необходимо было присоединить к Германии. В противном случае, по словам автора, оставался риск возникновения «нового очага политических происков и ирредентизма». По мнению Ноймана, это было оправданно и с экономической точки зрения: производственные мощности бывшей русской Поль-

3 *Hunkel E.* Deutschland und die Polenfrage... S. 6–7.

4 *Ibid.* S. 20.

5 *Zieliński D.* Nacjonałiści i konserwatyści niemieccy wobec kwestii polskiej w czasie I wojny światowej // *Pierwsza niemiecka okupacja. Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918.* Warszawa, 2019. S. 513–517.

ши должны были благотворно сказаться на экономическом развитии Верхней Силезии. Восточная граница Польши в рамках данной концепции шла по условной линии Брест — Гродно — Ковно⁶. При этом для сохранения баланса предполагалось организовать в Польше «подопечное государство» (*Schutzstaat*) Германии. Симптоматично, что Нойман использовал здесь терминологию, до этого применявшуюся лишь по отношению к германским колониям в Африке.

Стоит заметить, что подобный подход разделяли далеко не все. Так, автор меморандума «Новая Польша» Макс Кранц подчеркивал, что польское государство может быть создано лишь там, где поляки обладают подавляющим большинством и проживают компактно. Поскольку поляки, по словам Кранца, продемонстрировали свою способность вполне мирным путем создать «государство в государстве», следовало выселить их из прусского пограничья и запереть в изначальных языковых границах, лишив «возможности для неумолимого расширения». Максимальное продвижение на Восток Кранц ограничивал линией Брест — Белосток — Граево⁷. Проблема, однако, заключалась в том, что, по данным краеведческой комиссии при генерал-губернаторстве в Варшаве, поляки имели «подавляющее большинство» (т. е. свыше 90 %) только в отдельных районах центра, юга и юго-запада бывшего Царства Польского. Там, где существовало преобладание на уровне 80 %, они уже вклинивались в другие «зоны расселения» (*Siedlungsgebiet*), прежде всего немецкую на западе и украинскую — на юго-востоке⁸.

Подобное положение заставило немецких теоретиков перенести фокус своего внимания дальше на Восток. Так, один из лидеров пангерманистов Генрих Класс предлагал создать польское государство на территориях, отнятых у России. Восточная граница Польши должна была пройти по Днепру. С запада же ее должен был подпираť своеобразный «пояс безопасности» (Калиш — Влоцлавек — Бендзин — Сувалки), которым отгораживалась Германия. «Кресы», в свою очередь, становились компенсацией за потерю земель на севере и западе⁹. Любопытно, что за эту идею ухватился Владислав Студницкий, самый

6 *Neumann J.* Beiträge zur Lösung der polnischen Frage. Berlin, 1916. S. 7–11.

7 *Kranz M.* Neu-Polen. München, 1915. S. 32, 92.

8 *Handbuch von Polen (Kongress-Polen): Beiträge zu einer allgemeinen Landeskunde.* Berlin, 1918. Karte XII–XIII.

9 *Zieliński D.* Nacjonalisci i konserwatyści niemieccy... S. 488.

известный польский германofil своего времени. По его словам, «естественная восточная граница» Польши должна была пройти по Двине и Березине. Как писал Студницкий, если поляки получили бы «кресы», там можно было бы создать колонизационную область для привлечения польского населения из рейха. Это улучшило бы экономическую ситуацию, создав рынок сбыта для промышленно развитых областей «конгрессовой Польши», и избавило бы ее от перенаселенности. Сюда же, по мнению этого автора, можно было в дальнейшем переселить балтийских немцев. Напротив, «искусственное культивирование белорусской национальности», по словам Студницкого, не имело никакого политического смысла, поскольку «невозможно было создать нацию там, где она сама не возникла в течение столетий»¹⁰.

Вопросы разграничения с поляками действительно ставили вопрос о роли и месте белорусов. Здесь немцы оказались в непростой ситуации. В первую очередь это было связано с тем, что наиболее осязаемыми для них были литовские земли, с которыми Германия непосредственно граничила. Можно говорить, что узнавание немцами Белоруссии происходило на фоне «переоткрытия» Литвы как места исторического соприкосновения со славянами. При этом немцы отдавали себе отчет в том, что наполнение самого понятия «Литва» сильно зависело от национально-политических предпочтений и устремлений соперничавших за ее наследие народов. Определяя Вильно и Гродно как литовские территории, немецкие специалисты осознавали, что далеко не везде местное население состояло из этнических литовцев¹¹. Тем не менее попытки отделить одних от других по этническому / языковому принципу наталкивались на множественную идентичность жителей пограничья. В немецком сознании не укладывалось, что человек мог говорить сразу на нескольких местных языках и в зависимости от обстоятельств по-разному идентифицировать себя. Так, немецкий бюрократ, ожидая услышать этноним «белорус», который уже успел выучить, мог вместо этого получить в ответ «поляк» (если респондент был католиком), «русский» (т. е. тот, кто не ходит в костел и не использует польский язык), «тутейший» (если речь шла о малой родине).

Используя составленную Ефимом Карским карту белорусских говоров, немцы на ходу вносили в нее коррективы. Так, сотрудник

¹⁰ *Studnicki W.* Die polnische Ostmarkenfrage. Warschau, [1917]. S. 10, 32–33, 44.

¹¹ *Zechlin E.* Litauen // Westrussland in seiner Bedeutung für die Entwicklung Mitteleuropas. Leipzig, 1917. S. 68–69.

упомянутой краеведческой комиссии Арвед фон Шульц (выходец из русских немцев) разграничивал белорусов и поляков на Западе примерно по линии Карского, однако некоторые места (Августов, Гродно и Белосток) выделил как переходную зону¹². Коллега Шульца, Ханс Презент, критиковал Карского за чисто языковой подход. В частности, вслед за Казимиром Ничем Презент указывал, что на севере Гродненщины живут не белорусы, а говорящие по-белорусски поляки, тогда как наличие белорусского населения в Сувалкской губернии само по себе являлось спорным вопросом¹³.

Все эти факторы способствовали тому, что немцы не могли выделить четкую «зону расселения» белорусов. Для структурирования пространства на Востоке это был один из ключевых элементов. Из-за этого дискуссия о «кресах» не нашла своего логического завершения. Часть немецких авторов считала, что избыток польского населения следовало выдавить на Восток (например, в Гродненскую губернию¹⁴). Место для этого можно было освободить путем выселения большей части белорусов в Сибирь¹⁵ или обмена населением с поволжскими немцами¹⁶. Другие эксперты полагали, что «поляки, которые не готовы терпеть несправие, всегда готовы сами его творить, становясь господами для народов западной России, уверяя, что те тоскуют по их сильной руке и что культуру, которая у них есть, они получили от поляков». В этой связи ни в коем случае нельзя было допустить образования «буферной» Польши и попадания «кресов» в польские руки¹⁷.

Поражение Германии в Первой мировой войне и возникновение польского государства лишь обозначили реконфигурацию предыдущей стратегии. Белорусские земли, теперь ставшие частью Польши, по-прежнему оставались в зоне повышенного внимания Берлина.

Борьба за границы (1919–1933)

Еще до окончательного международного признания собственных границ новая Польша вступила в затяжной пограничный конфликт с Германией. По результатам этого противостояния поляки закрепили

12 Handbuch von Polen. Karte XII.

13 *Praesent H.* Die Nationalitätenverteilung im Gouvernement Suwalki // Petermanns Mitteilungen. 1919. Jg. 65. S. 14.

14 *Hunkel E.* Deutschland und die Polenfrage... S. 26.

15 *Bartels A.* Der Siegespreis. Weimar, 1918. S. 24–27.

16 *Zieliński D.* Nacjonaliści i konserwatyści niemieccy... S. 489.

17 *Kranz M.* Neu-Polen. S. 33–34, 92.

за собой всю Великую Польшу и часть Верхней Силезии, а немецкое население бывших восточных провинций рейха превратилось в не-любящее (с точки зрения польских властей) меньшинство. Травматичность этих событий оказала прямое влияние на стратегическое мышление политического руководства Германии. В этой связи стоит отметить, что немцев с этого момента интересовали не только вопросы польско-германской границы, но и все спорные регионы Второй Речи Посполитой. Так, они были не против видеть Виленщину литовской (как это произошло осенью 1939 г.) или даже белорусской (в немецких публикациях встречался тезис о белорусском характере этого края¹⁸), но не польской. Изучая проявления ирредентизма на восточной окраине Польши, специалисты мысленно оценивали аналогичные возможности немецкого меньшинства.

Что касается политики Германии на белорусском направлении, то она была весьма разнородной и противоречивой. Интерес к белорусскому национальному движению и контакты с различными политическими представительствами шли параллельно друг другу. При этом всякий раз оба направления рассматривались немцами, в зависимости от обстоятельств, через польскую или советскую оптику. Данный подход к белорусской проблематике, который будет сохраняться на протяжении десятилетий, ярко отразился на отношениях с Белорусской народной республикой (БНР) и советской Белоруссией (БССР).

Миссия БНР в Берлине, работавшая с начала 1919 г., фактически была признана Германией, когда немцы стали визировать белорусские паспорта¹⁹. Тем не менее официального признания не последовало. По уверениям германской стороны, это было обусловлено тем, что сперва БНР должна признать Антанту. Однако, как показывают документы из архива МИД Германии, заметную роль здесь играло текущее положение Польши. Согласно имеющимся данным, весной — летом 1920 г. представители правительства БНР в Берлине вели переговоры с различными немецкими политическими группами с целью получения материальной помощи. Помимо прочего, она требовалась для «ликвидации экспансионистских планов Польши» и установления непосредственной германо-белорусской границы в районе Августов — Граево. По замыслу белорусов, они должны были стать своего рода мостом между большевистской

18 *Strecker K.* Auf den Spuren Hindenburgscher Verwaltung. Erlebnisse und Ergebnisse einer Studienfahrt in Ob. Ost. Berlin, 1917. S. 12; *Hejke M.* Wilno. Stadt zwischen Ost und West. Bromberg, 1935. S. 61–66.

19 *Чернякевич А. Н.* БНР: триумф побежденных. Минск, 2018. С. 120–121.

Россией и Германией. В свою очередь, возвращение на белорусские земли «нормальной жизни» должно было уберечь от катаклизмов Восточную Пруссию. В подтверждение того, что Белоруссия может стать для нее естественным тылом, белорусы представили в МИД карту БНР, где ее границы действительно соприкасались с прусскими в районе Лыка. После многочисленных заверений в поддержке в июле 1920 г. белорусы получили отрицательный ответ. Как небезосновательно подозревали представители БНР, этому способствовала уверенность немцев в том, что Польша на тот момент была на грани разгрома²⁰.

Стоит отметить, что в Берлине и в дальнейшем отталкивались от статуса-кво. Рижский договор 1921 г. был болезненным для белорусов, тогда как для немцев он, наоборот, прояснил текущую расстановку сил. Советская Белоруссия, как и Россия, теперь ассоциировалась у них с торговлей, научно-техническим и культурным сотрудничеством. Заключенный в ноябре 1922 г. договор между Германией и БССР (как часть «большого» Рапалльского договора) лишь оформлял уже существовавшие на тот момент связи. Западная часть Белоруссии, оказавшаяся в составе Польши, играла свою политическую роль. Общим местом немецких публикаций, касавшихся белорусов, вплоть до конца 1930-х гг. стала критика демографической статистики и репрессивных практик польских властей на Востоке²¹.

Наряду с этим в Германии наблюдали за текущим состоянием белорусского движения. Еще в апреле 1920 г. Институт заграничных немцев в Штутгарте (занимался изучением положения немецких меньшинств) заинтересовался границами, отраженными на карте БНР, и хотел установить прямой контакт с белорусской миссией²². Как следует из перехваченного поляками донесения, германское посольство в Риге в апреле 1924 г. сообщало в МИД, что «самосознание» белорусов «выросло в очень высокой степени» и что они «обращают внимание на Виленщину и считают Вильно своей столицей»²³. Для получения актуаль-

20 Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (PA AA). RZ 208/84326, Bl. 1–4, 20.

21 *Wedel H. v.* Die weissrussische Frage in Polen // *Preußische Jahrbücher*. Bd. 217 (1929). S. 210–214; *Maas W.* Die Weissrussen in Polen // *Nation und Staat*. Juli/August 1930. S. 682–692; *Doubek F. A.* Die Ostgrenze der polnischen Volkstumsmehrheit // *Jomsburg*. Bd. 1 (1937). S. 474–481.

22 PA AA. RZ 208/84330, Bl. 1.

23 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 308к. Оп. 8. Д. 61. Л. 6.

ной информации в 1931 г. при Тайном государственном архиве Пруссии было организовано так наз. Бюро публикаций (*Publikationsstelle*). Изначально оно должно было отслеживать всё, что появлялось в польской печати и касалось Германии, однако вскоре занялось и межнациональными отношениями в польском государстве.

Внимательно следили за положением белорусов в Польше и представители местного немецкого меньшинства. В межвоенный период из их числа выдвинулась целая плеяда интеллектуалов (Эрих Йенш, Вальтер Маас, Мариан Гепке). Перспективы белорусского национального возрождения оценивалось ими достаточно позитивно. Хотя, как писал Йенш, национального белорусского государства никогда не существовало, сплочение белорусов происходило за счет языка и расовых (!) отличий. Латентный национализм большинства сельского населения, по словам автора, постепенно возрастал под влиянием польского террора. По мнению Йенша, немцы Польши, ослабленные и распыленные между другими народами, в отличие от белорусов вряд ли могли надеяться на положительный исход²⁴. Примечательно, что уже на выборах 1922 г. в польский сейм немцы шли вместе с белорусами в блоке национальных меньшинств и фактически обеспечивали финансовую сторону его предвыборной кампании²⁵.

Кроме того, немецкие публикации постоянно касались вопроса, где заканчиваются собственно польские земли и начинаются белорусские. Следует отметить, что он изначально не предполагал конструктивного ответа, а сама его постановка носила политический характер. Впрочем, немцев интересовала и конкретика. Так, молодой ученый Гавриил Горецкий, приехавший в 1926 г. по заданию Инбелкульта в Потсдам для исследования материалов военной переписи населения 1916/17 гг., не смог получить их. По словам Горецкого, документы находились в «большой научной разработке»²⁶.

Вероятно, наиболее вдумчивая попытка провести польско-белорусскую языковую границу принадлежала географу Йозефу Чеху. По его мысли, линия Керзона, установленная 8 декабря 1919 г., одновременно была западной границей «зоны расселения» белорусов. При

24 *Mornik S. [Jensch E.] Polens Kampf gegen seine nichtpolnischen Volksgruppen. Berlin; Leipzig, 1931. S. 140–146.*

25 *Пашкевіч А. Парламенцкія формы змагання за нацыянальныя і сацыяльныя правы беларускага народа ў міжваеннай Польшчы (1921–1930 гг.). Дысертацыя... кандыдата гістарычных навук. Мінск, 2006. С. 42.*

26 *Гарэцкі Г. Межы Заходняй Беларусі у Польшчы. Менск, 1928. С. 12.*

этом Белосток, Соколка и Августов представляли собой переходную зону с заметным польским влиянием. Что касается северо-восточной границы, то у Чеха она выглядела следующим образом. От Друи она тянулась на юг восточнее Браслава и Видзы до Годутишек, примерно соответствуя границе старой Ковенской губернии. Затем она поворачивала на юг до Лынтупов (по линии Карского), после чего шла на юго-запад, огибая польскую языковую зону вокруг Вильно. Далее она проходила западнее Ошмян и восточнее Солечников по линии Ивье — Жирмуны — Радунь — Друскеники — река Марыха. От Жирмун до Марыха граница опять же примерно соответствовала линии Карского, тогда как ее участок от Видзы до Ошмян предопределял будущую советскую, а вслед за ней и современную белорусско-литовскую границу²⁷.

Выделенные тенденции белорусской стратегии Германии, появившиеся во времена Веймарской республики, сохранились и после прихода к власти Гитлера. При этом ключевое значение Востока для «германского будущего», провозглашенное нацистами, сделало политику на этом направлении особенно уязвимой для экспансии новой идеологии.

«Германский восток» и белорусский фактор (1933–1939)

Тезис об уникальности цивилизационного ландшафта, сложившегося в результате германской восточной колонизации, стал одним из центральных в политической философии национал-социализма. В свою очередь, из него проистекала идея о возвращении «восточных территорий», которые бы одновременно стали «фронтом» против натиска «расово чуждых народов»²⁸. Именно в это время произошла подмена понятий, когда традиционный «восток Пруссии» (*preußischer Osten*) стал «германским Востоком» (*deutscher Osten*).

Стоит отметить, что изучение текущих реалий Восточной Европы в то время шло в Германии по двум траекториям. Первая имела скорее прикладной характер, больше ориентируясь на экономику и общественные отношения. Вторая, напротив, подразумевала корректировку идеологической доктрины с учетом полученных данных. Вся эта работа проводилась в так называемых «восточных» научных центрах — Кенигсберге и Бреслау.

²⁷ *Czech J.* Die Bevölkerung Polens. Zahl und völkische Zusammensetzung. Breslau, 1932. S. 75–77.

²⁸ *Maschke E.* Das Erwachen des Nationalbewußtseins im deutsch-slawischen Grenzraum. Leipzig, 1933. S. 47.

Указанные траектории в основном шли параллельно, и это выражалось в различных оценках действительности. Так, Бруно Плечке, географ из Кенигсбергского университета, в январе 1935 г. подготовил обширный меморандум под названием «О белорусском вопросе в Польше». Указывая, что «практически прямое соприкосновение» с белорусами в районе Лык — Гродно заставляет немцев «чаще, чем прежде, интересоваться Белоруссией», Плечке, несомненно, имел перед глазами карту БНР. Границы компактного расселения белорусов были, соответственно, перенесены им с карты Карского²⁹. Описывая белорусское сообщество, Плечке отмечал, что лишь у малой его части присутствовало выраженное национальное сознание. Отсутствие политического единства и социальная разрозненность также не способствовали, по его мнению, формированию прочной основы для национального государства. По оценке Плечке, в ближайшее время на белорусское движение не стоило рассчитывать в политическом отношении. Оно не доставляло особых забот полякам, так как было гораздо слабее, чем украинское, и в перспективе не стало бы сильнее³⁰. Основной акцент Плечке делал на экономической стороне вопроса. По его словам, поскольку белорусы «всегда были дружественны по отношению к немцам», это нужно было использовать в интересах Восточной Пруссии. Так, Кенигсберг должен был стать основным портом для «таких важных белорусских центров, как Вильна, Новогрудок, Минск, Гродно и Белосток». Не менее важным представлялся водный путь по Неману до Припяти, в богатое древесиной Полесье³¹.

Выразителем другого подхода стал еще один специалист из Кенигсберга — Теодор Оберлендер. Он полагал, что германская стратегия должна была опираться исключительно на немецкие меньшинства. Занимая в середине 1930-х гг. пост руководителя Союза германского Востока, Оберлендер фактически координировал все мероприятия, связанные с антипольской активностью. Наряду с этим он продвигал собственную концепцию «аграрной перенаселенности» Польши. Как считал Оберлендер, переизбыток населения в сельской местности и его несоразмерность имевшемуся «жизненному пространству» могли стать причиной социальных катаклизмов. Согласно данным, приведенным в монографии Оберлендера, прирост

29 *Plaetschke B.* Schulungsbrief des Bundes Deutscher Osten zur weißrussischen Frage in Polen. [Königsberg], 1935. Bl. 1–2, 9.

30 *Ibid.* Bl. 3–7.

31 *Ibid.* Bl. 8–9.

населения на польских землях в целом соответствовал норме, тогда как на востоке страны он сильно превышал средние значения. Так, в Полесье он был выше более чем на половину, в Новогрудке — более чем на 30 %, в Вильно и Белостоке — примерно на 27 %³². Белорусы как таковые не интересовали Оберлендера, однако «защита интересов немцев на северо-востоке» (*Deuschtumsarbeit im Nordosten*) затрагивала их этническую территорию. Заняться исследованием этой проблемы Оберлендер предложил своему коллеге из Кенигсбергского университета, Вернеру Конце.

На тот момент Конце собирал материалы для своей докторской диссертации, посвященной аграрной реформе в Великом княжестве Литовском в середине XVI в., и был хорошо знаком с белорусской тематикой. Пользуясь протекцией Оберлендера, молодой докторант несколько раз получал финансирование для изучения Виленского края от Бюро публикаций (в апреле 1936 г., на месяц), от Северо-Восточного исследовательского общества (в апреле 1937 г., на три месяца) и от Германского исследовательского общества (дважды, летом 1936 и в начале 1938 гг.)³³. Помимо чисто научной работы, Конце выяснял текущее положение белорусского населения. Выпущенная им по результатам поездок брошюра «Белорусский вопрос в Польше» демонстрировала знакомство автора с работой Плечке (вплоть до прямых текстуальных заимствований) и во многом повторяла ее выводы. При этом в брошюре ощущалось сильное влияние концепции Оберлендера. В частности, Конце отмечал, что вопрос перенаселенности белорусской деревни стоит остро, тогда как возможности покинуть ее практически полностью перекрыты властями³⁴. Населенные белорусами земли именовались в брошюре «неопределенной переходной зоной между Россией и Европой», испытывавшей, однако, благотворное влияние «германского порядка» (имелось в виду Магдебургское право). Со стратегической точки зрения они рассматривались как вероятное пространство для действий против Москвы. Общие выводы были неопределенными и расплывчатыми. По словам Конце, взаимоотношения с «белорусским племенем» были одним из многих нерешенных вопросов на восточных границах рейха, и только будущее могло показать, что будет дальше³⁵.

32 *Oberländer Th.* Die agrarische Überbevölkerung Polens. Berlin, 1935. S. 31.

33 *Handbuch der völkischen Wissenschaften.* Berlin, 2017. S. 94–95.

34 *Conze W.* Die weißrussische Frage in Polen. Berlin, 1938. S. 7–8.

35 *Ibid.* S. 9–10.

Как представляется, в Берлине действительно готовились занять выжидательную позицию. Этому способствовала противоречивая информация, поступающая от специалистов. Исходя из рассуждений Оберлендера, столкновение белорусов и поляков было неминуемым. В этом отношении они могли стать одним из рычагов влияния на ситуацию. Вместе с тем инструменты взаимодействия с белорусской стороной были неочевидными, а его вероятные перспективы и последствия — неясными. По объективным причинам немцы не связывали с белорусами больших надежд. Несмотря на общую тональность дружественности, в немецких публикациях неизменно отмечалось, что в политическом отношении опираться можно лишь на узкую прослойку интеллигентов.

Знали немцы и об оценках белорусского движения со стороны поляков. Так, в 1936 г. Бюро публикаций подготовило перевод работы Юзефа Вонсовича «Восточные кресы». В частности, белорусы описывались в ней как «почти исключительно крестьянское общество», где отсутствовал средний класс и не было никакой реальной воли его создать. Как указывал автор, «первые и нисколько не убедительные признаки» белорусского национального возрождения проявились лишь в революцию 1905 г. Помимо прочего, были выделены проблемы русификации, полонизации и сохранения традиционного локального самосознания (тутейшости)³⁶. Выводы Вонсовича нашли отражение у немецких авторов. В статье Петера Шайберта, еще одного специалиста из Кенигсбергского университета, отмечалось, что белорусы, расколотые по культурному и религиозному признаку, всегда находились в зоне русского / польского влияния и поэтому не смогли сформировать «цельный политический характер»³⁷. Тем не менее Берлин продолжал держать белорусов в поле зрения в рамках традиционной немецкой концепции «охвата» (*Erschließung*), когда в рамках стратегии в каком-то регионе учитывались по возможности все, даже незначительные факторы.

* * *

В целом следует подчеркнуть, что германская стратегия в отношении Белоруссии и белорусов с самого начала была сильно подвержена внешним влияниям и диктовалась в основном актуальной повесткой дня. Так, начиная со времен Первой мировой войны она носила вы-

36 *Wąsowicz J.* Die Ostgebiete. Berlin, 1936. S. 8.

37 *Scheibert P.* Der weißrussische politische Gedanke bis 1919 // Jomsburg. Bd. 2 (1938). S. 354.

раженный антипольский характер. Вместе с тем, невозможность вывить, в силу ряда обстоятельств, перспективы от вовлечения белорусов в стратегическое планирование сделала их роль второстепенной. При этом контакты немцев с белорусами были обусловлены не только текущей политикой, но и утилитарными соображениями. Учитывая фактор БНР в борьбе с Польшей и в определенной мере признавая ее субъектность, Германия одновременно налаживала отношения с БССР с целью укрепить свое экономическое положение.

После закрепления новых польских границ положение меньшинств в Речи Посполитой стало объектом пристального внимания со стороны Берлина. Оценки белорусского национального движения со стороны немецких авторов были противоречивыми. Мнения колебались от достаточно позитивных (они в первую очередь исходили со стороны «польских» немцев, непосредственно знакомых с белорусской тематикой) до весьма скептических. Исходя из этого, руководство Германии заняло место пассивного наблюдателя, постоянно следя за тем, что происходит на восточной окраине польского государства. Стоит заметить, что и в веймарские времена, и при нацистах долгосрочный расчет делался на социальный взрыв в белорусской среде. В первом случае, однако, его связывали с подавлением поляками этнокультурной индивидуальности белорусов, а во втором — с резким приростом населения при одновременном сокращении «жизненного пространства» для него.

В результате сентябрьской кампании вермахта в 1939 г. Польша перестала существовать как государство. Присоединение областей, населенных белорусами, к Советскому Союзу в сознании немцев полностью перевело их в сферу влияния Москвы. Эти события были восприняты германской стороной неоднозначно. С одной стороны, Польша была повержена, а польское наследие, о котором предупреждал Оберлендер, досталось Советскому Союзу. Тем не менее теперь между немцами и белорусами возникла реальная и достаточно протяженная граница, которая одновременно стала местом соприкосновения рейха с «азиатским большевизмом». На этом фоне в следующем, 1940 г. в Германии появился ряд публикаций с весьма однозначным посылом. Так, новая этнополитическая карта Белоруссии³⁸ частично ориентировалась на данные польской переписи 1931 г., которая до этого всячески

38 *Doubek F. A.* Die neuen Abgrenzungen der Weissruthenischen Sowjetrepublik: ihr Verhältnis zum Weissruthenischen Volkstumsgebiet und zu älteren politischen Grenzen. Leipzig, [1940].

критиковалась немецкими авторами. Если карта БНР придвигала белорусскую границу вплотную к Германии, то карта 1940 г., напротив, отодвигала ее как можно дальше, поскольку границы, проведенные Карским, залезали на территорию рейха.

Конце, к тому моменту завершивший диссертацию и выпустивший ее отдельной монографией в серии «Германия и Восток», делал акцент не только и не столько на исторических событиях, сколько на концептуальных моментах. Прежде всего автора интересовали если не немецкие, то заимствованные у немцев формы общественной организации и тот резонанс, какой они получили среди литовского и белорусского населения. Как писал Конце, идеей Сигизмунда Августа было превратить крестьян в свободных хозяев по немецкому образцу. Предполагалось, что малая семья будет обрабатывать фиксированный надел (гуфу), а в случае нехватки земли будет осваивать новое пространство. Литовцы, по мнению автора, оказались готовы перенять «немецкий порядок» в более-менее чистом виде. Реакция белорусов оказалась полностью противоположной. Из-за проявившейся уже в те времена перенаселенности требовалось гораздо больше новой земли и, соответственно, больших затрат. Белорусы, по словам Конце, не хотели и не могли выполнить эту задачу. Несмотря на предписание властей, они занимали лишь половину отведенной гуфы или продолжали жить большими семьями на старых участках, в результате чего половина земельного фонда пустовала. По мнению автора, это обозначило конфронтацию славянского населения с германским аграрным порядком³⁹.

Разгром Польши и «воссоединение» Белоруссии полностью реконфигурировали всю германскую стратегию на белорусском направлении. Несмотря на появление в 1939–1940 гг. белорусофилов (таких как Ойген фон Энгельгардт), которые подчеркивали важность сотрудничества с «восточным соседом», общее настроение по отношению к белорусам постепенно переменялось от сдержанно-положительного к скептически-пренебрежительному. Значительное влияние здесь имели актуальные задачи нацистского руководства, прежде всего консолидация немецкого населения на Востоке. Подготовка плана «Барбаросса» и вовсе переместила белорусов в иную плоскость, в результате чего они постепенно стали объектом политических манипуляций и деструктивных практик.

39 Conze W. Agrarverfassung und Bevölkerung in Litauen und Weißrußland. Leipzig, 1940. S. 128–129.

Источники и литература

Российский государственный военный архив (РГВА).
 Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (PA AA).

Гарэцкі Г. Межы Заходняй Беларусі у Польшчы. Менск: б. и., 1928. 168 с.

Пашкевіч А. Парламенцкія формы змагання за нацыянальныя і сацыяльныя правы беларускага народа ў міжваеннай Польшчы (1921–1930 гг.). Дысэртацыя... кандыдата гістарычных навук. Мінск, 2006. 162 с.

Чернякевич А. Н. БНР: триумф побежденных. Минск: Янушкевич, 2018. 304 с.

Bartels A. Der Siegespreis. Weimar: Roltsch, 1918. 47 s.

Conze W. Agrarverfassung und Bevölkerung in Litauen und Weißrußland. Leipzig: Hirzel, 1940. 249 s.

Conze W. Die weißrussische Frage in Polen. Berlin, 1938. 10 s.

Czech J. Die Bevölkerung Polens. Zahl und völkische Zusammensetzung. Breslau: Marcus, 1932. 232 s.

Doubek F. A. Die neuen Abgrenzungen der Weissruthenischen Sowjetrepublik: ihr Verhältnis zum Weissruthenischen Volkstumsgebiet und zu älteren politischen Grenzen. Leipzig, [1940].

Doubek F. A. Die Ostgrenze der polnischen Volkstumsmehrheit // Jomsburg. 1937. Bd. 1. S. 474–481.

Handbuch der völkischen Wissenschaften. Berlin: De Gruyter, 2017. 942 s.

Handbuch von Polen (Kongress-Polen): Beiträge zu einer allgemeinen Landeskunde. Berlin: Reimer, 1918. 511 s.

Hunkel E. Deutschland und die Polenfrage im Weltkriege. Berlin: Deutscher Ostmarken-Verein, 1916. 28 s.

Kranz M. Neu-Polen. München: Lehmann, 1915. 104 s.

Maas W. Die Weissrussen in Polen // Nation und Staat. 1930. Juli/August. S. 682–692.

Maschke E. Das Erwachen des Nationalbewußtseins im deutsch-slawischen Grenzraum. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1933. 61 s.

Mornik S. Polens Kampf gegen seine nichtpolnischen Volksgruppen. Berlin-Leipzig: De Gruyter, 1931. 154 s.

Neumann J. Beiträge zur Lösung der polnischen Frage. Berlin: Deutscher Städte-Verlag, 1916. 32 s.

Oberländer Th. Die agrarische Überbevölkerung Polens. Berlin: Volk und Reich, 1935. 118 s.

Plaetschke B. Schulungsbrief des Bundes Deutscher Osten zur weißrussischen Frage in Polen. [Königsberg], 1935. 9 Bl.

Praesent H. Die Nationalitätenverteilung im Gouvernement Suwalki // Petermanns Mitteilungen. 1919. Jg. 65. S. 12–16.

Scheibert P. Der weißrussische politische Gedanke bis 1919 // Jomsburg. 1938. Bd. 2. S. 335–354.

Spät R. Die “polnische Frage” in der öffentlichen Diskussion im Deutschen Reich, 1894–1918. Marburg: Herder-Institut, 2014. 477 s.

Strecker K. Auf den Spuren Hindenburgscher Verwaltung. Erlebnisse und Ergebnisse einer Studienfahrt in Ob. Ost. Berlin: Schwetschke, 1917. 42 s.

Studnicki W. Die polnische Ostmarkenfrage. Warschau: Deutsche Staatsdruckerei, [1917]. 44 s.

Wąsowicz J. Die Ostgebiete. Berlin: Publikationsstelle, 1936. 15 s.

Wedel H. v. Die weissrussische Frage in Polen // Preußische Jahrbücher. 1929. Bd. 217. S. 210–214.

Zechlin E. Litauen // Westrussland in seiner Bedeutung für die Entwicklung Mitteleuropas. Leipzig: Teubner, 1917. S. 68–87.

Zieliński D. Nacjonaliści i konserwatyści niemieccy wobec kwestii polskiej w czasie I wojny światowej // Pierwsza niemiecka okupacja. Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2019. S. 469–559.

References

Bartels, A. *Der Siegespreis*. Weimar: RoLtsch, 1918, 47 p.

Cherniakovich, A. N. *BNR: triumf pobezhdenykh*. Minsk: Janushkevich, 2018, 304 p.

Conze, W. *Agrarverfassung und Bevölkerung in Litauen und Weißrußland*. Leipzig: Hirzel, 1940, 249 p.

Conze, W. *Die weißrussische Frage in Polen*. Berlin, 1938, 10 p.

Czech, J. *Die Bevölkerung Polens. Zahl und völkische Zusammensetzung*. Breslau: Marcus, 1932, 232 p.

Doubek, F. A. *Die neuen Abgrenzungen der Weissruthenischen Sowjetrepublik: ihr Verhältnis zum Weissruthenischen Volkstumsgebiet und zu älteren politischen Grenzen*. Leipzig, [1940].

Doubek, F. A. “Die Ostgrenze der polnischen Volkstumsmehrheit.” *Jomsburg*, Bd. 1, 1937, pp. 474–481.

Handbuch der völkischen Wissenschaften. Hrsg. v. M. Fahlbusch, I. Haar, D. Hamann, A. Pinwinkler; Berlin: De Gruyter, 2017, 942 p.

Handbuch von Polen (Kongress-Polen): Beiträge zu einer allgemeinen Landeskunde. Hrsg. v. E. Wunderlich. Berlin: Reimer, 1918, 511 p.

Harętski, H. *Mezhy Zakhodniai Belarusi u Pol'shchy*. Minsk, s. n., 1928, 168 p.

Hunkel, E. *Deutschland und die Polenfrage im Weltkriege*. Berlin: Deutscher Ostmarken-Verein, 1916, 28 p.

Kranz, M. *Neu-Polen*. München: Lehmann, 1915, 104 p.

Maas, W. "Die Weissrussen in Polen." *Nation und Staat*, Juli/August, 1930, pp. 682–692.

Maschke, E. *Das Erwachen des Nationalbewußtseins im deutsch-slawischen Grenzraum*. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1933, 61 p.

Mornik, S. *Polens Kampf gegen seine nichtpolnischen Volksgruppen*. Berlin-Leipzig: De Gruyter, 1931, 154 p.

Neumann, J. *Beiträge zur Lösung der polnischen Frage*. Berlin: Deutscher Städte-Verlag, 1916, 32 p.

Oberländer, Th. *Die agrarische Überbevölkerung Polens*. Berlin: Volk und Reich, 1935, 118 p.

Pashkevich, A. *Parlamentskiiia formy zmahannia za natsyianal'nyia i satsyial'nyia pravy belaruskaha naroda ŭ mizhvaennaŭ Pol'shchy (1921–1930 hh.)*. PhD Thesis. Minsk, 2006, 162 p.

Plaetschke, B. *Schulungsbrief des Bundes Deutscher Osten zur weißrussischen Frage in Polen*. [Königsberg], 1935. 9 Bl.

Praesent, H. "Die Nationalitätenverteilung im Gouvernement Suwalki." *Petermanns Mitteilungen*, Jg. 65, 1919, pp. 12–16.

Scheibert, P. "Der weißrussische politische Gedanke bis 1919." *Jomsburg*. Bd. 2, 1938, pp. 335–354.

Spät, R. *Die "polnische Frage" in der öffentlichen Diskussion im Deutschen Reich, 1894–1918*. Marburg: Herder-Institut, 2014, 477 p.

Strecker, K. *Auf den Spuren Hindenburgscher Verwaltung. Erlebnisse und Ergebnisse einer Studienfahrt in Ob. Ost*. Berlin: Schwetschke, 1917, 42 p.

Studnicki, W. *Die polnische Ostmarkenfrage*. Warschau: Deutsche Staatsdruckerei, [1917], 44 p.

Wąsowicz, J. *Die Ostgebiete*. Berlin: Publikationsstelle, 1936, 15 p.

Wedel, H. v. "Die weißrussische Frage in Polen." *Preußische Jahrbücher*, Bd. 217, 1929, pp. 210–214.

Zechlin, E. "Litauen." *Westrusland in seiner Bedeutung für die Entwicklung Mitteleuropas*. Leipzig: Teubner, 1917, pp. 68–87.

Zieliński, D. "Nacjonaliści i konserwatyści niemieccy wobec kwestii polskiej w czasie I wojny światowej." *Pierwsza niemiecka okupacja. Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918*. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2019, pp. 469–559.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.02

I. I. Barinov

**Belarus and Belarusians in the Anti-Polish Strategy of Germany,
1915–1939**

Igor I. Barinov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: barinovnoble@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Citation

Barinov I. I. Belarus and Belarusians in the Anti-Polish Strategy of Germany, 1915–1939 // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 28–47 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.02

Received: 01.09.2021.

Abstract

The article discusses the role of the Belarusians and the Belarussian ethnic territory in the German strategy against Poland until 1939. The “Polish question” has traditionally been one of the most painful for the German state since the partitions of Poland. The First World War and the German occupation of most of ethnographic Poland put his decision it on the agenda. Recognizing the probable existence of Polish statehood, the German leadership were simultaneously looking for an effective counterbalance to it. This issue became urgent after the revival of Poland in 1918. Until the beginning of World War II, the Germans closely followed the development of the national minorities on the territory controlled by Poles. The Belarusian national movement, contrary to popular belief, was perceived positively by the Germans and was considered as one of the ways to undermine the internal situation in the Polish state. The situation changed drastically after the defeat of Poland in September 1939. The transition of the Belarusian lands under Soviet control and the urgent tasks of consolidating the German nation took the Belarusian problem out of consideration. Despite the appearance of supporters of the German-Belarusian rapprochement in the Reich, political and military leaders did not determine the place of the Belarusians in the future German strategy.

Keywords

Germany, Poland, Belarusian minority, Belarusian national movement.